

На правах рукописи

ЗОТОВА Карина Валерьевна

РЕГЛАМЕНТАЦИЯ И СОПРИЧАСТНОСТЬ
КАК ЦЕННОСТНЫЕ ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ
СОТРУДНИКОВ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ
И ОСУЖДЕННЫХ
(СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)

Специальность 22.00.06
социология культуры, духовной жизни

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата социологических наук

Тамбов 2006

Работа выполнена на кафедре теоретической и прикладной социологии Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина

Научный руководитель: доктор социологических наук, профессор Федоров Игорь Алексеевич

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор Добреньков Владимир Иванович; кандидат социологических наук, доцент Запорожченко Ольга Анатольевна

Ведущая организация: Московский государственный областной университет

Защита состоится 26 декабря 2006 г. в 10 часов на заседании диссертационного совета Д – 212.261.06 в Тамбовском государственном университете имени Г. Р. Державина по адресу: 392000, г. Тамбов, ул. Советская, д. 6, кор. 4, ауд. 221.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина.

Автореферат размещен на сайте ТГУ им. Г.Р. Державина (<http://tsu.tmb.ru/aspir/dis>) и разослан 24 ноября 2006 года.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат философских наук,
профессор

В. С. Семина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Многомерный мир взаимодействия социальных групп, постоянно воспроизведимый, обновляющийся и развивающий усилиями социальных субъектов, становится все сложнее, и изучение ценностных установок группового поведения – важнейшая задача адаптации к его динамике. Это приводит к исследованию природы скрытых от поверхностного взгляда установок социального поведения различными направлениями гуманитарного знания.

Появление новых социальных страт, заметная трансформация классических механизмов их социального поведения, возникновение новых форм социальной кооперации, колосальное число новых ценностей, стереотипов, брендов, межгрупповых взаимодействий – все это прямо показывает очевидную актуальность социологического изучения ценностных установок поведения социальных групп. Соотношение сопричастности и регламентации показывает саму топологию социальности, меру добровольного присвоения людьми социальных ролей. Более того, такое соотношение служит и своеобразным, но довольно точным социологическим индикатором состояния общества в целом. Впрочем, они до сих пор редко были предметом социологического исследования; они чаще заслонялись такими понятиями, как дисциплина, ответственность, энтузиазм, групповые стигмы.

В современный период реформирования пенитенциарной системы необходимым условием повышения ее эффективности может стать только знание реальных мотивов социального поведения, данных в соотношении регламентации и сопричастности, в том числе в местах лишения свободы, где режим зачастую надуманной секретности заметно ограничивает исследовательское поле.

Изменение мотивов, социальной структуры нынешней преступности ведет к резкой смене типов социальной среды в местах лишения свободы; учитывая сохранение высокого уровня поведенческих девиаций в стране в последние годы, что представляется одной из главных причин избранной проблематики.

Нормативная сторона такой среды, социальная регламентация лишь отчасти описывается нашим законодательством, многие, не отраженные в праве поведенческие установки являются исходной и

главной детерминантой, определяющей поведение сотрудников и осужденных на протяжении всей истории пенитенциарных учреждений. Все это, по мнению автора, показывает неизбежный рост актуальности фокусной для данной работы проблематики в ближайшем будущем.

Степень научной разработанности проблемы исследования. Проблема регламентации и сопричастности в групповом поведении разрабатывалась давно и по разным направлениям. Уже в восточных ранних религиях постоянно отмечается, что реальное поведение групп жестко регламентировано самой природой государственности («Законы Ману», «Упанишады» «Лунь юй», «Ли цзы», в «Трипитаке» Будды). Удивительная по своей чистоте и глубине философия древних греков, осмысливая проблемы группового поведения, создала целый ряд концепций социальности, человеческого общежития. Естественная и начальная форма этого общежития – семья; высшая форма – государство. Человек раскрывает себя в общественной деятельности, он активен, а поведение его социально регламентировано тем, что позже было названо поведенческими установками. Этим вопросам Платон посвятил два наиболее обстоятельных произведения: «Государство» и «Законы»; Аристотель в «Этике» и «Политике» также затрагивает эти вопросы. В «Воспоминаниях о Сократе» Ксенофонт показывает аргументы в пользу основ положения майевтики о том, что, в отличие от регламентации, сопричастность вырабатывается лишь на особом пути высокой духовности. Практическое описание ценностей социальной и политической регламентации, определяющих античный образ жизни, дается в эпикуреизме, стоицизме, в работах римских историков и т. д.

Несколько по-иному трактуется природа регламентации и сопричастности группового поведения в Средние века. И природа, и человек объявляются сопричастными Богу, и принципом единства выступает Бог – исток и цель каждого конкретного индивида. В раннем христианстве идеальное поведение человека описывается преимущественно с позиции сопричастности, теофанийности, мистического общения с Богом, что подчеркивается как в первоисточниках (Ф. Аквинский, Бл. Августин, П. Абелар), так и в работах таких исследователей, как А. Гарнак, И. С. Свенцицкая, А. Донини. В средневековой общественной мысли выработан целый ряд идей относительно природы группового поведения: об исторических периодах, когда возникающие новые духовные установки масс дают им право на революционные насилистственные действия (Ф. Аквинский), о

правомерности возникновения нового для того времени протестантского поведенческого кодекса, об интуитивном теофанийном критерии оценок групповых действий. В целом же, видимо, лишь работы Аль Фараби об идеальном городе и Н. Макиавелли показывают зарождение собственно рационального анализа групповых поведенческих установок.

В Новое время самые разные по своим теоретическим установкам мыслители (Т. Гоббс, Дж. Локк, Б. Спиноза) едины в понимании группового поведения (именно социальные законы выступают как субстанциональное начало) и групповой регламентации, и человеческой сопричастности групповым ценностям. Французские социалисты-утописты Р. Оуэн, А. Сен-Симон, Ш. Фурье в формировании поведения человека главную роль отводили среде. Примечательно, что именно они, как и ранние утописты Т. Мор, Т. Кампанелла, Д. Уинстенли; Г. Бабеф, Ж. Мелье, Морелли, пробуют обосновать тезис о стартовом приоритете регламентации над сопричастностью, что подразумевает внедемократичные формы управления идеальным обществом. Основной же фокус общественной мысли Нового Времени – политическое групповое поведение, которое по базовым концепциям той эпохи (энциклопедисты, Ш. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо, П. Гольбах, Т. Джефферсон и др.) должно регламентироваться разделением властей, разумным эгоизмом. В противном случае самые благие намерения монархов и их советников превратятся в изначально данную в человеческой природе «войну всех против всех» (Т. Гоббс).

Особая роль в разработке основ группового поведения принадлежит немецкой философии. По мнению А. Шопенгауэра нравственность, как врожденная основа социального поведения, не поддается ограничению нормой или установкой. И. Кант впервые выдвинул идею гомеостазности, стабильного равновесия групповой сопричастности и регламентации в будущем обществе «вечного мира». В русле философии Г. Гегеля и младогегельянства отстаивался полный приоритет общего для групповой регламентации и сопричастности субстанционального начала – Абсолютной Идеи общецивилизационного развития, выступающей своеобразной программой всей сложнейшей системы социального поведения.

О. Конт объясняет его через понятие «консенсус», пробует найти природу группового поведения через анализ своеобразной матрицы социума – социального действия, социального факта. Эта проблема роли другого в индивидуальной мотивации социального поведения станет

особенно актуальной в следующем веке. Достаточно похожа и позиция М. Вебера, создавшего продуманную модель типов социального действия, причем в основе его классификации лежит именно ценностное оформление групповой регламентации и сопричастности. Он обращает внимание на роль коллективных представлений, ориентирующих поведение людей на ценности групповой сопричастности в протестантских общинах.

У Э. Дюркгейма регламентация и сопричастность, как атрибуты социального поведения, трактуются в качестве особой социальной привычки. Оригинальна трактовка природы группового поведения еще одного основателя социологии – П. Сорокина. В его работах социальное поведение рассматривается с позиций двойственности человеческого «Я» («Я» биологическое и «Я» социальное), а также с позиций интенсивности взаимодействия. Он выдвигает новую систему социологических индикаторов социального поведения: социальную статику и динамику, стратификацию, групповое стигмирование, общечеловеческую детерминированность.

Групповая сопричастность и регламентация вытекают из самой природы социального действия – такова базовая идея концепции Т. Парсонса («Структура социального действия»), который типологизирует уже целые сформировавшиеся общества именно по роли и специфике регламентации социального поведения. Марксистская концепция группового поведения описывает воспроизводство отчуждения групповых установок. Иными словами, согласно марксистской концепции, поведение группы определяется не сознательно сформированными в группе ценностями, а объективными противоречиями интересов подгрупп. У В. И. Ленина определяющей причиной группового поведения выступает политическое осознание своих классовых интересов, Г. В. Плеханов акцентирует внимание на социальной среде и интересах класса, которые и определяют линию поведения группы, – другое дело, что, по Плеханову, интересы класса процессуальны, они могут оказывать большее или меньшее влияние на групповое поведение, в зависимости от исторической ситуации. Последняя же может быть создана искусственно, и тогда регламентация является определяющей в групповом поведении у огромных масс населения (идея трудлагерей Л. Д. Троцкого).

Оригинальны трактовки фокусной проблематики в социологии Дж. Г. Мида. В работе «Разум, самость и общество» он рассматривает групповые установки, используя понятия «я» и «те», явно склоняясь

именно к трактовке атрибутов группового поведения как своеобразной интегрирующей характеристики механизмов индивидуальной психики. В рамках «психологии масс и народов» (Г. Лебон, Г. Тард) центральным механизмом объяснения группового поведения вообще является подражание, копирование как базовая характеристика массовидного поведения. Духовные аспекты групповой регламентации находятся в центре внимания В. Соловьева. Очень любопытна и вполне современна его идея единой духовной ментальной матрицы («Святой Софии»), частным случаем которой и выступает истинная групповая сопричастность, регламентация же провоцируется правилами «социальной игры». В русле данной трактовки находятся и идеи П. Флоренского, у которого гармония регламентации и сопричастности является центром духовного мира человека, Н. Бердяева, для которого разум и вера постулируются как основа единства сопричастности и регламентации в социальной группе. Интуитивное, включающее подражательство паствуанию («путь Богочеловека»), или выработанное самостоятельно стремление подойти к абсолютной вере – только такие пути намечает он для объяснения истинной сопричастности, резко критикуя большевиков за увлечение регламентацией.

Согласно З. Фрейду, поведением людей правят не только внешние регламенты, но и внутренние, подсознательные силы, мотивирующие поступки. Любые нормы группового поведения навязываются, по его мнению, государственностью, фиксируясь в особой подсистеме индивидуальной психики – «Суперэго». В неофрейдизме (К. Юнг, М. Адлер, К. Хорни и др.) предпринимается попытка объяснить диалектику группового поведения через гипотетическое «групповое бессознательное». Л. Гумилев разнообразие групповых поведенческих установок определяет двумя переменными: пассионарностью и аттрактивностью, которые в конечном счете и определяют тип группового поведения на каждом конкретном этапе жизненного сценария нации или национальной группы.

Оригинальны экзистенциальные трактовки природы группового поведения. Ж.-П. Сартр подчеркивает, что человек абсолютно свободен в своем поведении. Внутригрупповые регламентация и сопричастность не навязываются, они либо принимаются, либо отвергаются в ходе индивидуального поведенческого выбора. Примерно такой же подход прослеживается и в философии М. Хайдеггера. Групповое поведение рассматривается им как частный и уродливый случай «инсценирования».

Пессимистический вариант противопоставления регламентации и сопричастности описывается у А. Камю в работах «Бунтующий человек» и «Эссе об абсурде». По его представлениям, логика взаимосвязи морали, идеологии и норм группового поведения лишь кажущаяся, она просто скрывает изначальную абсурдность социальной жизни. С. Кьеркегор в своей работе «Или – или» дал точную формулировку экзистенциального отношения к природе группового поведения: человек внеобществен. Концепция Карла Ясперса - это еще один пример подобной трактовки, рассмотренной им в работе «Смысл и назначение истории»; в сущности, она развивается и в известной работе Л. Шестова «Киргегард и экзистенциализм».

Следует отметить и общепсихологические теории группового поведения. К ним относятся теория установки грузинского психолога Д.Н. Узнадзе, согласно которой установка есть целостное недифференцированное бессознательное состояние субъекта, предшествующее развертыванию психической деятельности. А.Н. Леонтьев рассматривает поведение с позиции деятельностного подхода, А. Здравомыслов и В. Ядов раскрывают важнейшую характеристику групповой регламентации в ценностном выражении постоянно действующего перехода: групповая установка-диспозиция. Еще одним известным исследователем проблем группового поведения является Г. Андреева, которая выделяет такие характеристики внутригрупповой регламентации и сопричастности, как стабильность и гомеостазность. Основные принципы сплоченности групп исследованы А. В. Петровским, А. И. Донцовым и др.

Проблемы группового поведения рассматривались известными зарубежными исследователями. Индивидуальная психология А. Адлера основана на тезисе о бессознательном стремлении к превосходству, обусловленному комплексом неполноценности, преодолевая который человек направляет свои действия к «цели победы». Американские ученые Д. Доллард и Н. Миллер в работе «Социальное обучение и имитация», объясняя групповое поведение, опирались на теории социального подражания. В рамках социобихевиористской психологии канадский учений А. Бандура разработал концепцию обучения через наблюдение за поведением других людей и подражание ему. Его теория близка по духу теории «обмена» Д. Тибо и Г. Келли, рассмотренной в работе «Социальная психология групп», и теории «элементарного социального поведения» Дж. Хоманса. Когнитивистский подход включает в себя несколько сходных теорий: теорию структурного

баланса Ф. Хайдера, теорию коммуникативных актов Т. Ньюкома, теорию конгруэнтности Ч. Осгуда и П. Танненбаума, теорию когнитивного диссонанса Л.Фестингера. В. Байон исходил из того, что группа – это макро вариант индивида, поэтому она характеризуется теми же параметрами, что и отдельная личность. В. Беннис и Г. Шепард главную роль в поведении группы отводили групповой дискуссии. Представители символического интеракционизма Дж. Г. Мид, Д. Блумер, М. Кун утверждают, что своеобразие способов действий личности зависит от разнообразия систем взаимодействия, в которых личность участвует, и от уровня владения личностью языком как основой взаимодействия. Р. Линтон выдвинул статусно-ролевую концепцию поведения. В контексте интеракционистского направления И. Гофман изложил интересный взгляд на проблему поведения, используя известную идею «зеркального Я» как атрибута поведения человека в группе.

Пенитенциарная психология и социология во многом исходят из приведенных выше идей. В. Ф. Пирожков, А. Д. Глотовкин, С. П. Щерба изучали феномен субкультуры «другой жизни» осужденных в местах лишения свободы, формирование коллектива осужденных, психолого-педагогическое воздействие на осужденных труда, режима, общеобразовательного обучения. В. Г. Деев исследовал формирование малых групп осужденных и межличностные отношения. Ю. А. Алферов изучал личность осужденного как субъект депривационной среды в ИУ. Отметим также ряд идей современной социологии: все большей ориентации группового поведения на символическую реальность (Ж. Бодрийяр), программирующее воздействие СМИ (Н. Хомский, В. Сатир), падение роли здравого смысла (Ф. Гваттари, Ж. Делез) и др. В целом же приходится констатировать, что проблематика установок социального группового поведения исследовалась в истории гуманистической мысли давно и в самых разных аспектах; но ни единой, ни наиболее популярной доктрины в этой области так и не сложилось.

Цель исследования заключается в формировании возможной и внутренне непротиворечивой модели групповой регламентации и сопричастности как атрибутов группового поведения и апробации такой модели на социальной среде в местах лишения свободы (региональный масштаб).

Такая цель подразумевала решение ряда конкретных задач:

- выявления сущности понятий «регламентация» и «сопричастность»;

- проведение сравнительного социологического анализа материалов по фокусной проблематике в истории гуманитарной мысли;
- обоснование и описание принимаемой теоретической модели;
- проведение эмпирического исследования;
- обобщение имеющихся данных по качеству социальной среды в местах лишения свободы по Рязанской области.

Объектом исследования являются поведенческие установки группового поведения, предметом – закономерности и тенденции динамики групповой регламентации и сопричастности как поведенческих установок социального поведения в местах лишения свободы.

Базовая гипотеза исследования состоит в предположении, что соотношение групповой регламентации и сопричастности определяет качество социального поведения и тип групп в местах лишения свободы, причем в сложной нелинейной зависимости от официального поведенческого нормирования и унифицировано для всей системы региональных ИУ.

Методологическая основа работы. На формирование авторской позиции в наибольшей степени повлияли идеи символического интеракционизма Дж. Мида, который развел идею «обобщенного другого». Согласно данной идеи группа требует, чтобы индивид руководствовался в своих действиях установками другого, в результате чего группа может оказывать влияние на поведение индивида. В условиях длительной сенсорной депривации это приводит к изменению сознания, смысловым трансформациям, изменениям в перцептивных процессах. Еще одна теория, повлиявшая на позицию автора, – марксистская теория соотношения базиса и надстройки, согласно которой способ производства материальной жизни обуславливает социальные и духовные процессы жизни. Кроме того, на формирование мировоззренческой позиции автора повлияли идеи естественно-исторического подхода к анализу исторических явлений, geopolитические идеи Г. Спенсера, экзистенциальные трактовки социального поведения.

Эмпирической базой работы является авторское исследование «Проблема групповой регламентации и сопричастности в местах лишения свободы глазами сотрудников и осужденных» (2006). Для изучения данной проблемы использовалась механическая выборка в 750 человек, что является репрезентативным для генеральной совокупности

всех зон Рязанской области (осужденные и персонал). Для сбора первичных данных были использованы следующие методы: анкетирование, фокус-группы, глубинное интервью. Материалы фокус-групп фиксировались на видеокамеру.

Обработка анкетных данных проводилась при использовании программы SPSS 15.0. for Windows эмпирическую базу работы составили следующие исследования: «Региональные выборы и проблемы гражданского общества в Центральной России», «Состояние и динамика мнений избирателей округа № 149 по выборам в Государственную Думу (декабрь 2003 года)».

Научная новизна исследования выражена:

- в определении понимания сущности тандема регламентация-сопричастность. Первая (регламентация) рассматривается как система нормативного стигмирования, распределяющего социально-индивидуальные роли и ожидания, искажение которых приводит к падению внутригруппового престижа, предполагающего вывод из состава группы, символичного («отпускание» в зонах) и др. Вторая (сопричастность) - есть мера добровольного участия в жизни группы, основанного на условно свободном выборе;
- в уточнении социологических индикаторов и методологически значимых характеристик категорий групповой регламентации и сопричастности, отражающих качество и векторную направленность внутригруппового взаимодействия;
- в применении методологии социологического изучения групповой регламентации и сопричастности для исследования специфики социального поведения в местах лишения свободы и описании роли внутригрупповых установок в таком поведении;
- в выделении основных социальных и социально-психологических факторов социального поведения в условиях сенсорной депривации, ранжируемым по позициям типов зоны, корпоративной этики и стигматы; гендерного и социального состава групп; внешних правовых норм и др.;
- в сравнительно новых эмпирических данных по фокусной проблематике для генеральной совокупности работников администрации и осужденных по Рязанской области.

Теоретическая значимость работы заключается: в проведении сравнительного анализа теоретических источников с выделением наиболее фундаментальных и перспективных характеристик и функций

групповой регламентации и сопричастности в групповом поведении; описании специфики современной социальной среды в местах лишения свободы; выделении конкретных характеристик установок, регламентирующих поведение осужденных в такой среде; отслеживании с помощью социологических методов эмпирических тенденций группового поведения осужденных.

Практическая значимость диссертационного исследования выражена в возможности использовать его материалы для повышения эффективности воспитательной и организационно-административной работы в местах лишения свободы, кастинга персонала, социальной прогностике по фокусной проблематике. Кроме того, они могут быть использованы в обучающих курсах по социологии поведенческих девиаций, духовной жизни, пенитенциарной педагогике и психологии, гендерной социологии.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Групповое поведение – естественный атрибут общественной жизни, без которого последняя принципиально непредставима. Соотношение групповой сопричастности и регламентации позволяет, хотя бы в первом приближении, описывать с помощью собственно социологических методов качество любого внутригруппового поведения, в том числе в условиях сенсорно-депривационной среды в местах лишения свободы.

2. Эвристически достаточным для достижения целей работы является понимание регламентации как системы нормативного стигмирования, такого распределения ролей и единичных групповых ожиданий, аттитюдов, нарушение которых ведет к снижению внутригруппового престижа или выводу из состава группы, в том числе символического («опускание» в зонах). Сопричастность же трактуется как мера добровольного, основанного на собственном выборе участия в жизни группы (хотя бы и в реализации репрессивного стигмирования).

3. Основной функцией процессов изменения соотношения первого и второго является репродукция самой функциональности социального поведения. Уже поэтому такое соотношение выражает именно единую общегрупповую установку, которая может быть дана в системе групповых диспозиций.

4. Главными детерминантами такого положения вещей в местах лишения свободы являются: тип зоны, корпоративная этика и стигматы; гендерный и социальный состав группы; внешние правовые нормы и др. Возможно выделение типов групп, различающихся по

соотношению групповой регламентации и сопричастности (авторитарные, либеральные, смешанные, Т-группы).

5. Соотношение таких групп – одно из важнейших свойств любого социума и может служить одной из абстрактных характеристик политического и административного режима.

Апробация результатов диссертационного исследования. Материалы исследования апробированы в работе со слушателями Высших академических курсов в 2006 году на базе Академии ФСИН России, в консультациях персоналу ИТУ. Теоретические и практические результаты исследования обсуждались на заседаниях кафедры философии и истории Академии ФСИН России, на методических семинарах кафедры пенитенциарной психологии и кафедры социальной психологии, на межвузовских научно-практических конференциях (Рязань 2004, Рязань 2005), межрегиональной научной конференции (Рязань 2006). Основное содержание работы изложено в авторских публикациях.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, включающих в себя пять параграфов, заключения, списка использованной литературы, приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы диссертационного исследования; определяются цель и задачи, объект и предмет исследования; методологическая и теоретическая основа его проведения; раскрывается научная новизна; формулируются основные положения, выносимые на защиту; характеризуется теоретическая и практическая значимость работы; приводятся сведения об апробации полученных результатов.

Глава I «Историко-методологические проблемы соотношения регламентации и сопричастности как атрибутов группового поведения» посвящена рассмотрению проблем группового поведения в истории философской мысли. В первом параграфе исследованы традиционные восточные религии, которые сформировались в условиях despотического государства, его полной власти над индивидом, в результате чего групповое поведение жестко регламентировалось. Выработанная регламентация поведения

отсутствует в раннем христианстве, которое характеризуется преимущественно сопричастностью, искренним желанием делать добро, которое должно совершаться свободно. Называя себя братьями, они сознавали налагаемые этим именем обязанности и выполняли их не соблюдением обязательных предписаний, а добровольным служением ближнему. Проблема социальных установок человеческого поведения была обозначена и в философии античного мира. Поиск идеального общества у древних мыслителей (Платон, Аристотель) невозможен без регламентации поведения индивида в общественной сфере. Начиная с Сократа эллинская философия рассматривает поведение человека не с позиции внешних регламентов, а с позиции человеческого разума, интеллекта, Добродетель составляет взаимоусловленную норму поведения людей в среде себе подобных. Учение стоиков о поведении человека основано преимущественно на сопричастности, на идее «естественной установки». Согласно этому учению, высшая установка человеческого действия, развития человека – достижение добродетели. В философии Средних веков звучит отказ от регламентации поведения и сведение его к сопричастности. А. Блаженный, Ф. Аквинский, П. Абеляр объявили природу человека сопричастной Богу. В Новое время трактовки фокусной проблематики демонстрируют рост собственно рациональности в осмыслиении природы группового поведения. В учениях Т. Гоббса, Дж. Локка общество представлено сложным сообществом людей, которое основано на договоре друг с другом во имя совместной деятельности и безопасности, то есть утверждается доктрина «естественной регламентации». Французские социалисты-утописты Р. Оуэн, Ш. Фурье, А. Сен-Симон определяющей поведение социальной группы считали социальную среду. Поведение социальных групп должно регламентироваться законами.

В зарубежной философии XIX – XX века также имел место интерес к поведению человека. Это нашло своё выражение в иррациональной трактовке поведения А. Шопенгауэра. Отдавая предпочтение сопричастности, человек сам определяет, как совер什ить достойный поступок, какому нормативу следовать, опираясь на свой нравственный опыт. Человек у А. Шопенгауэра внесоциален, следовательно, его поведение не подчиняется внешним регламентам. Немецкая классическая философия – своеобразная энциклопедия идей относительно природы и атрибутов группового поведения: идея «вечного мира» в государственном устройстве и отношениях между

государствами И. Канта, который выступает «регламентирующим полем» для собственно группового поведения; мысль И. Фихте о «несводимом Я», не поддающемся стандартам регламентации; гегелевская мысль о противоречивости кажущейся гармонии регламентации и сопричастности. Еще одна из близких по методологии трактовок – концепция О. Конта, которая определяет формирование поведенческих установок через понятие «консенсус», который обеспечивается благодаря доминированию в нем социальных чувств и социальных идей, способных укреплять общественную солидарность. Несколько по-иному трактует регламентацию и сопричастность как атрибуты социального поведения Э. Дюркгейм, у которого они выступают как особая социальная привычка. Совсем иначе трактовал поведение социальных групп М. Вебер, обратив внимание на роль коллективных представлений, ориентирующих поведение людей; иными словами, установки группового поведения не только нормы, но и специфическое, закономерное течение групповой духовной жизни в целом.

Во втором параграфе главы анализируются более современные доктрины. Марксизм утверждает, что капиталистическое общество представляет собой чуждую для человека среду, регламентирующую несправедливость эксплуатации, являющуюся причиной отчуждения между людьми и обществом. В Россию марксистская теория проникла в 80-х годах XIX века. Г. В. Плеханов устанавливает закон зависимости надстройки от базиса через понятие социальной среды, которая обуславливает линию поведения социальных групп. Связь надстройки со своим экономическим обоснованием осуществляется через политику (В. И. Ленин), то есть поведение групп регламентировано. Весьма оригинальна трактовка природы группового поведения у еще одного основателя социологии – П. Сорокина. Автор теории социокультурных флюктуаций устанавливает двойственность человеческого «Я», распадающегося на «я» биологическое и «я» социальное. Эти две личности во многих аспектах ориентированы противоположно, что прямо отражается в групповом поведении.

У Т. Парсонса групповая сопричастность и регламентация вытекают из самой природы социального действия. В творчестве Дж. Г. Мида поведение социальных групп объясняется через понятие «обобщенного другого», согласно которому посредством взаимодействия происходит принятие индивидом установок других людей по отношению к себе и последующей кристаллизации этих

частных установок в единую установку. Духовные аспекты групповой регламентации находятся в центре внимания В. Соловьева. Можно выделить и его идею духовной ментальной матрицы, (Святой Софии), частным случаем которой выступает групповая сопричастность, регламентация же провоцируется правилами «социальной игры». Вполне в русле данной трактовки идеи П. Флоренского, который считал, что гармоничное сочетание регламентации и сопричастности является центром духовного мира человека. У Н. А. Бердяева разум и вера постулируются как основа единства сопричастности и регламентации в социальной группе. При этом факт регламентации и сопричастности в группе не гарантирует личностного развития, которое должно преодолевать рамки групповой регламентации, чтобы стать личностью.

Согласно З. Фрейду, поведением людей правят не только внешние регламенты, но и внутренние подсознательные силы, мотивирующие поступки. В отличие от своих предшественников Л. Гумилев считает, что реальное поведение человека складывается из двух переменных величин – пассионарности и аттрактивности, которые определяют разнообразие групповых установок. Оригинальными представляются трактовки природы группового поведения в экзистенциализме. Ж.-П. Сартр, М. Хайдеггер, А. Камю, С. Кьеркегор, К. Ясперс, Л. Шестов объявляют человека внесоциальным, а социальную жизнь абсурдной, следовательно, человек свободен в своем поведении.

В третьем параграфе первой главы обосновывается неразрывная связь установок и поведения социальных групп. Истоки теории установки связаны с именем Д. И. Узнадзе. Установка является собой целостное, недифференцированное и бессознательное состояние субъекта, предшествующее актуально развертывающейся деятельности. Для того чтобы появилась установка на поведение в определенном направлении, необходима соответствующая потребности ситуация, что вызовет в субъекте импульс к деятельности согласно конкретной установке. Однажды активированная установка сохраняет готовность актуализироваться при наличии подходящих условий. В течение жизни человек приобретает бесчисленное множество фиксированных установок, которые, активируясь при удобном случае, направляют поведение человека в определенную сторону. Теория установки открывает множество других подходов к формированию диспозиционной концепции. В общей психологии это работы А.Н. Леонтьева, связанные с анализом деятельности человека.

Особенности диспозиционной структуры, условия её формирования и ее соотношения с реальным социальным поведением личности описываются В. А. Ядовым. Особенный интерес представляет позиция А. Г. Здравомыслова, который считает, что потребности, интересы и ценности выступают связующим звеном между обществом, социальной средой, индивидом и его внутренним миром.

Потребности, превращающиеся в интересы, в свою очередь, могут стать ценностями. Содержание ценностей обусловлено культурными достижениями общества и может быть рассмотрено как «застывшие» установки. Ценность содействует выражению установки и направленности поведения группы.

Не менее интересны различные теоретические подходы к изучению поведенческих установок зарубежных ученых. Необихевиористская теория предлагает изучать поведение через научение. Акцент делается на условия окружения (среду) (Н. Миллер, Д. Доллард, А. Бандура, Д. Тибо, Г. Келли, Дж. Хоманс). Когнитивистская теория объясняет поведение при помощи познавательных процессов, то есть индивид получает впечатление о мире, которое организуется в связанные интерпретации, в результате чего образуются различные установки, являющиеся регуляторами социального поведения (Ф. Хайдер, Т. Ньюком, Л. Фестингер, Ч. Огуд, П. Танненбаум).

Психоаналитическая теория подчеркивает уникальность духовного мира личности, разрушает зарационализированную модель групповых взаимоотношений (В. Байон, В. Беннис, В. Шутц), вводит базовое понятие интеракции (интеракционизм, Дж. Мид, И. Гоффман). Механизмы установочной регуляции поведения социальных групп изучались Г. М. Андреевой, А. В. Петровским и др.

Во второй главе анализируются регламентация и сопричастность как ценностные поведенческие установки в местах лишения свободы. Базовая теоретическая модель групповой регламентации и сопричастности не является чисто умозрительной конструкцией, ее морфемы и действенность прямо зависят от средовых эффектов, в том числе мест лишения свободы.

В первом параграфе главы исследуется диалектика социальной среды в местах лишения свободы, отмечается резкое отличие социальной среды в зависимости от типа «зоны». Внутренний распорядок исправительных учреждений – суть идеальная модель социальной среды мест лишения свободы. С одной стороны, строго

очерченный в правовом отношении внутренний распорядок исправительных учреждений приучает осужденного к соблюдению элементарных правил поведения и общежития, дисциплинирует его. С другой стороны, он нивелирует личность, лишает ее индивидуальности, отучает от принятия самостоятельных решений, лишает возможности систематической работы над собой, фактически, все происходящее в стенах учреждений, определяется характером межличностных отношений. В этом разделе работы обосновывается система факторов, определяющих соотношение групповой регламентации и сопричастности.

Во втором параграфе главы описывается специфика эмпирических исследований по фокусной проблематике. Сбор первичного материала был проведен в исправительных учреждениях г. Рязани и Рязанской области, что позволяет говорить о репрезентативности полученных результатов. Для организации исследования использовалось несколько основных методов сбора информации: анкетный опрос, структурированное интервью, фокус-группы (с видеозаписью). Обработка анкетных данных проводилась при использовании программы SPSS 15.0 (for Window). Была использована механическая выборка. Генеральной совокупностью выступили осужденные и сотрудники УИН по Рязанской области. Объем выборки составил 750 человек (600 чел. – осужденные, 100 чел. – сотрудники исправительных учреждений, 50 чел. – эксперты: ведущие специалисты и начальники УИН, представители территориальных органов Федеральной службы исполнения наказаний России). Анализ анкетных данных позволил составить социологический портрет респондента: мужчина среднего возраста, с отсутствием лидерских качеств, пребывающий в нормальном настроении, не интересующийся политикой, верующий и разделяющий мнение, что люди от рождения добры.

Обращает на себя внимание тот факт, что 82,1 % осужденных опасается одиночества; 85,6 % – насилия по отношению к себе (для сравнения – категория сотрудников составляет 9,3 %, экспертов – 5,2 %). Респонденты, составляющие возрастную группу старше 50 лет, чаще других испытывают «желание делать добро». Почти вдвое этот показатель меньше у респондентов до 25 лет. Между всеми категориями респондентов сохраняется примерное равенство в оценке утверждения «если вдуматься, свободы вообще не бывает» – 45,2 % осужденных, 48,4 % сотрудников, 49,0% экспертов согласны с этим. В данном случае

мы имеем дело с более или менее выраженным (не обязательно осознанным) проявлением духовно-нравственного наполнения понятия «свобода».

Обращает на себя особое внимание тот факт, что только 1,1 % сотрудников УИС испытывают сочувствие к людям, лишенным свободы. Результаты анкетных данных показали перевес среди тех, кто склонен считать, что в местах лишения свободы не работают по призванию (среди них 30,2 % осужденных, 14,6 % сотрудников, 18,8 % экспертов). Ответ «скорее согласен, чем не согласен» выбрали 37,1 % сотрудников УИС и 27,1 % экспертов.

С тем, что места лишения свободы никого не делают лучше – ни осужденных, ни сотрудников УИС, согласны 68,5 % осужденных, 62,2 % сотрудников, 62,5 % экспертов. К тому же с утверждением «перевоспитать взрослого человека практически невозможно» согласны 40,0 % осужденных, 20,0 % сотрудников, 40,0 % экспертов. Интерес представляет возрастная группа старше 50 лет, в которой 36,8 % не согласны с данным утверждением. Возможно, жизненный опыт подсказывает другие, непрямые методы воспитания.

Анализ анкетных данных позволил установить, что цель воспитательной работы в местах лишения свободы прослеживается с трудом, а воспитание добра не является реальной целью воспитательной работы.

Среди респондентов – осужденных 62,8 % согласны с тем, что места лишения свободы провоцируют у людей активную веру в Бога, при этом 61,7 % респондентов сотрудников не согласны с данным утверждением. Такая позиция позволяет предположить, что сотрудники видят в осужденных только объект для наказания.

Согласие с тем, что в обычном коллективе (группе осужденных) не может быть сопричастности высказали 57,0 % осужденных, 44,7 % младшего инспекторского состава, осуществляющего охрану и надзор за осужденными, 71,4 % начальников отрядов, непосредственно взаимодействующих с осужденными и занимающихся воспитательной работой, 32,8 % администрации. Среди социальных работников лидирует позиция «скорее не согласен, чем согласен» – 33,3 %. Видимо, оказывается профессиональная установка.

Большинство респондентов согласны с тем, что в обществе сформировалось фатальное отношение к возможности лишиться свободы – «захотят – посадят».

Таким образом, результаты социологического опроса, проведенного в рамках диссертационного исследования, позволили сделать следующие выводы: современные места лишения свободы не стимулируют развитие личности. Регламентация в ИУ уничтожает индивидуальность. Практические работники видят в осужденных только объект для наказания, не испытывают к ним сочувствия и считают, что находящиеся под их надзором осужденные неисправимы, и меры по их перевоспитанию, скорее, бесполезны.

В конце параграфа приводится ряд выводов: для практиков цели воспитательной работы неясны. Отмечается расхождение теории с практикой, отсутствие перспектив у практических работников; кто хотел уйти – ушел из системы. Интеллектуальный уровень сотрудников падает. Отсутствуют необходимые социально-психологические механизмы, направленные на воспрепятствование профессиональной деформации сотрудников, обусловленной длительным пребыванием в местах лишения свободы, непосредственным контактом с девиантами.

Воспитательная работа часто сводится к попытке изменить поведение осужденного и его отношение к окружающему миру через использование жесткой регламентации, при этом в религии не видят воспитательного средства. Профессиональный подбор и отбор кадров осуществляется в основном по формальным признакам (состояние здоровья, отсутствие судимости и т. п.), что сужает прием на работу лиц, обладающих соответствующими знаниями, мировоззренческими установками, желающих приложить свои знания и умения к этой сфере деятельности. Специфическое отношение общественности, СМИ к сотрудникам УИС, неверие в социальную значимость избранной профессии; необходимо переориентировать пенитенциарные механизмы на реализацию духовных потребностей осужденных и сотрудников, на осмысление самоценности человека, его сущностных способностей, важнейшей из которых является духовность.

В заключении работы диссидентом сделаны общие выводы исследования, и намечены возможные перспективные направления дальнейшей научно-исследовательской работы.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

Работы, опубликованные в изданиях, рекомендованных ВАК РФ

1. Зотова К. В. Проблема групповой регламентации и сопричастности в местах лишения свободы глазами сотрудников УИС и осужденных // Вестн. Том. ун-та. – Томск, 2006. 0,6 п.л.
2. Зотова К. В. Установка как выражение групповой регламентации // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер. Общественные науки. –2006. –№ 3. 0,6 п.л.

Остальные публикации

3. Зотова К. В. Регламентация поведения в буддизме: история и современность // История зарубежных стран и международных отношений в Новое и Новейшее время: Сб. науч. ст. – Владимир, 2004.0,3 п.л.
- 4 . Зотова К. В. Сопричастность и регламентация в жизни и поведении человека (по материалам работ В. С. Соловьева) // Вопросы теории и практики преподавания в вузах России общественных дисциплин: Сб. науч. ст. аспирантов и молодых ученых. – Владимир; Рязань, 2005. 0,25 п.л.
5. Зотова К. В. Ермаков А. А. Церковь и государство: сопричастность и регламентация: духовно-нравственный аспект в социальной философии Русской Православной Церкви: Материалы 2-й межрегион. науч. конф. – Рязань, 2006. 0,4 п.л.

Подписано в печать 20.11.2006.
Бумага офсетная.
Тираж 100 экз.

Формат 60x84 1/16.
Уч.- изд. л. 1.1.
Заказ № 593.

Отделение полиграфии ИТО Академии ФСИН России
390036, г. Рязань, ул. Сennая, 1